

A man in a dark suit is seen from behind, looking out over a dense urban landscape. In the center, a tall skyscraper is covered in lush green plants, resembling a vertical garden. Other modern high-rise buildings are visible in the background under a blue sky with scattered white clouds. A small, red, mechanical-looking object is suspended in the air near the top of the central building.

Алексей Овчаренко

Остановись и Обернись

Алексей Овчаренко

Остановись и Обернись

«Автор»

2026

Овчаренко А.

Остановись и Обернись / А. Овчаренко — «Автор», 2026

Макс — успешный архитектор, построивший карьеру на «оптимизации» реальности. Его мир состоит из идеальных 3D-моделей, глянцевых фасадов и крупных банковских счетов. Но что делать, если фундамент этой жизни заложен на лжи, а бетонные стены современных многоэтажек начинают трещать под весом человеческой совести? После загадочной встречи со «стариком», который кажется воплощением его собственного прошлого, Макс оказывается в центре смертельной игры с корпорацией «Монолит». В мире, где каждый шаг фиксируется камерами, а преданность покупается списанием долгов, он решает сделать невозможное — остановиться и обернуться. «Остановись и обернись» — это жесткое и честное исследование современного общества потребления. Это история о том, как один человек пытается вырваться из «цифрового купола», чтобы найти настоящую жизнь под слоем дешевой штукатурки и корпоративных тайн.

© Овчаренко А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Овчаренко

Остановись и Обернись

АЛЕКСЕЙ ОСТАНИ И ОБЕ

ОСТАНОВИСЬ И ОБЕРНИСЬ

Алексей Овчаренко

Социально-психологический триллер

Предисловие автора

Дорогой читатель.

Перед вами произведение, которое стало логическим и духовным продолжением вопросов, поднятых в моей предыдущей книге «Что же ты, человек?». Если первая книга была поиском внутренней сути и определения человеческого в человеке, то «Остановись и обернись» бросает этого человека в жернова современного мегаполиса.

Мы живем в эпоху «гидравлики страха», где социальные механизмы давят на нас сильнее, чем законы физики. Эта книга — попытка взглянуть на то, что останется от нас, если лишить нас банковских карт, геолокации и иллюзии безопасности. Можно ли сохранить душу в здании с аварийным фундаментом? И какую цену придется заплатить за право просто обернуться и посмотреть правде в глаза?

Это история не о героях, а о нас с вами. О тех, кто строит, и о тех, кто живет внутри этих построек.

Введение

Город никогда не спит, но он часто притворяется мертвым. В этом безмолвии, среди шума проезжающих машин и мерцания рекламных вывесок, мы привыкли бежать вперед, не задавая вопросов. Мы доверяем алгоритмам, верим в прочность бетона и надежность системы.

Но реальность — это не бинарный код. Это холодный дождь на Литейном, это запах сырости в подвале и страх в глазах соседа по хостелу. Введение в эту историю — это момент, когда инерция вашего бега внезапно наталкивается на стену осознания.

Здесь заканчивается фантазия и начинается жизнь. Приземленная, пыльная, опасная, но единственно верная. Добро пожаловать в мир, где самое смелое действие, которое вы можете совершить, — это просто перестать бежать.

Шаг первый.

Гидравлика страха

Дождь в этом городе никогда не был просто погодой. Это была химическая реакция: смесь сажи, дешевого бензина и испарений из ливневок, которая медленно разъедала не только краску на фасадах, но и остатки воли. Я чувствовал, как тяжелая, пропитанная влагой ткань куртки тянет плечи к земле, словно пытаюсь превратить меня в часть этого скользкого, серого асфальта. Ритм погони за спиной не менялся последние семь кварталов. Это был не бег вприпрыжку, не суeta дилетантов. Это была походка человека, который точно знает длину твоего шага и объем твоих легких. Равномерный, сухой стук каблуков по мокрому камню. В этом звуке не было злобы, в нем была математическая неизбежность. Я сворачивал в узкие проходы между доходными домами, где пахло плесенью и старым жиром, перепрыгивал через кучи строительного мусора, но эхо за спиной неизменно возвращалось через три секунды. Оно не приближалось, но и не отставало. Меня не ловили — меня вели, как ведут заведенный механизм к точке окончательного износа. Легкие превратились в два раскаленных мешка, наполненных битым стеклом. Каждый вдох отзывался резкой болью в основании горла, а вкус крови во рту стал почти привычным. Мозг, затуманенный гипоксией, подкидывал одну и ту же фразу, которая пульсировала в висках в такт шагам: «Остановись и обернись». Это не был совет. Это была команда, вшитая в мой генетический код еще до того, как я совершил свою первую ошибку. Я резко заложил вираж, проскочив под низкой аркой, где свет единственного фонаря дрожал в луже, похожей на пятно отработанного масла. Впереди выросла кирпичная глухая стена, покрытая слоями облезлых объявлений и граффити. Тупик. Физический предел пространства. Я замер, чувствуя, как лопатки вдавливаются в холодную, шершавую кладку. Сердце колотилось так бешено, что казалось, оно вот-вот проломит грудную клетку и выка-

тится на камни бесполезным, окровавленным комком. Тишина, наступившая после того, как я перестал бежать, была оглушительной. В ней не было ни звука машин, ни шума далекого вокзала — только хриплое, надрывное дыхание и капли воды, срывающиеся с козырька крыши. И тогда я понял самое страшное: преследователь перестал идти. Он стоял там, в паре метров за углом арки, и просто ждал, когда я окончательно осознаю свою неподвижность. В этой тишине я кожей чувствовал его присутствие — не как угрозу физической расправы, а как присутствие судьи, который уже давно вынес приговор и теперь просто наслаждается процедурой его оглашения.

Воздух в подворотне стал плотным, почти осязаемым, как кисель. Я пытался нащупать в кармане хоть что-то — старую зажигалку, обломок карандаша, любую мелочь, которая могла послужить оружием или хотя бы талисманом. Но карманы были пусты лишь бессмысленная бумажка с адресом. Я стоял голым перед этой темнотой, лишенный имен, статусов и оправданий.

— Ты ведь знал, что этот момент наступит, — голос, донесшийся из-за угла, не принадлежал человеку. Это был звук трескающегося льда или шелест сухой травы на ветру. В нем не было интонаций, только голая констатация факта. — Ты потратил десять лет на то, чтобы нарастить скорость. Ты

менял города как перчатки, выбрасывая старые паспорта в мусорные баки на полустанках. Ты думал, что география способна исцелить биографию. Глупо. Чем быстрее ты бежишь, тем длиннее становится твоя тень. И тем тяжелее она становится. Я сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони, прорывая кожу. Боль была необходимой — она возвращала меня в реальность, не давая сознанию соскользнуть в спасительный обморок.

— Уходи, — мой голос был похож на карканье старой птицы. — У меня больше нет ничего, что могло бы тебя заинтересовать. Ни денег, ни тайн, ни будущего.

— Мне не нужны твои активы, — тень за углом качнулась, и в круг тусклого света медленно вошел край длинного, промокшего плаща. — Я здесь не для того, чтобы забирать. Я здесь для того, чтобы ты наконец-то зафиксировал взгляд. Остановка — это не конец пути, это начало узнавания. Ты так боялся обернуться, потому что знал: там, за твоей спиной, стоят не наемники и не кредиторы. Там стоит всё то, что ты не доделал, не досказал, не долюбил. Огромная свалка из твоих «потом» и «не сейчас». Я почувствовал, как холодный пот, смешанный с дождевой водой, стекает по позвоночнику. Это был физический предел страха. Мозг, привыкший к схемам и манипуляциям, теперь беспомощно буксовал. В этой арке не работали законы бизнеса или уличной драки. Здесь работал закон зеркала. Тень за углом сделала еще один шаг. Медленный. Тяжелый.

— Посмотри на свои ботинки, — продолжал голос. — Они стерты до дыр не от дорог, а от попыток убежать от того, что всегда было внутри тебя. Ты превратил свою жизнь в триллер, чтобы не замечать, что это драма. Но декорации кончились. Дальше только кирпич и правда. Обернись. Это единственный способ заставить меня исчезнуть. Или единственный способ наконец-то встретиться. Я медленно начал разворачивать корпус. Суставы скрипели, как несмазанные петли старой двери. Мир вокруг начал терять резкость. Капли дождя, казалось, зависли в воздухе, превратившись в мириады крошечных линз, в каждой из которых отражался мой перекошенный от ужаса лик. Я понимал: сейчас, когда я завершу этот разворот, моя жизнь окончательно расколется на «до» и «после». И «после», скорее всего, будет очень коротким. Разворот давался с трудом, словно я пытался повернуть заржавевший механизм, годами стоявший без движения под открытым небом. Каждый градус движения стоил

колоссальных усилий воли. Ткань куртки терлась о кирпич с противным, сухим звуком, который в этой тишине казался грохотом обвала. Я чувствовал, как холодная дождевая вода, скопившаяся в складках одежды, теперь медленно течет по шее, заставляя мышцы произвольно сокращаться. Мир вокруг окончательно потерял устойчивость. Желтый свет фонаря за

пределами арки дрожал, разбиваясь на тысячи осколков в висящей в воздухе водяной пыли. Я видел каждую трещину на асфальте, каждый окурок, вмерзший в слой городской грязи, и понимал: это последние мгновения моей прежней жизни, где я был просто бегущей целью. Теперь я становился свидетелем. Когда я наконец завершил этот бесконечный разворот, легкие внезапно отказали. Воздух застрял в горле комом раскаленной серы. Человек в плаще стоял в пяти шагах. Он не шевелился. Капюшон был низко надвинут на глаза, оставляя в тени всё лицо, кроме подбородка и плотно сжатых губ. На его плечах блестели капли дождя, похожие на мелкую ртуть, и этот блеск был единственным ярким пятном в серой хмари подворотни. Но самое страшное было не в его неподвижности. Самое страшное было в его ботинках. Они были точно такими же, как у меня — стоптанными на левую сторону, с характерной глубокой трещиной на правом носке, которую я получил еще полгода назад, перелезая через забор на промзоне.

— Ты опоздал, — голос преследователя теперь звучал иначе. Он лишился той отстраненной сухости и приобрел мои собственные интонации, мой тембр, мою привычку слегка растягивать гласные в конце фраз. — Ты бежал так быстро, что расплескал по дороге всё, что имело смысл. Ты думал, что за тобой гонится правосудие или месть оскверненного. Ты ждал пули в затылок или удара ножом под ребра. Но реальность куда прозаичнее и куда жестче. За тобой гонится твоя собственная нереализованность. Весь тот потенциал, который ты променял на страх и схемы выживания.

Я попытался сделать шаг назад, но уперся спиной в стену. Кирпич был ледяным, и этот холод, казалось, прошивал меня насквозь, до самого позвоночника.

— Кто ты? — мой шепот сорвался на хрип. — Что тебе нужно от меня? У меня нет ответов. У меня нет оправданий. Я просто хочу, чтобы это закончилось.

— Это закончится только тогда, когда ты перестанешь видеть во мне врага, — человек сделал шаг вперед. Медленный, размеренный. Его руки, длинные и тонкие, показались из рукавов. Он нервно перебирал пальцами край плаща — в точности так, как это делал я каждую секунду своей осознанной жизни. — Ты создал меня сам. Каждой своей ложью, каждым случаем, когда ты промолчал, когда нужно было кричать, каждым разом, когда ты выбирал безопасный путь вместо правильного. Я — это сумма всех твоих отказов от самого себя. И теперь я пришел потребовать долг. Ты не можешь бесконечно брать у будущего взаймы, не отдавая ничего взамен. Я смотрел на его руки и чувствовал, как внутри меня что-то окончательно ломается. Это не был страх перед физическим насилием. Это было нечто более глубокое, первобытное — ужас перед встречей с тем, кем я мог бы стать, но не стал. Каждая складка на его плаще, каждое его движение было моим зеркальным отражением, доведенным до абсолютного, безжалостного совершенства. В этой арке, зажатый между кирпичной стеной и этим существом, я впервые понял истинное значение слова «тупик». Это не когда нет дороги вперед. Это когда единственная дорога ведет внутрь тебя самого, а там — выжженная земля и пепел.

— Остановись и обернись, — повторил он, сокращая дистанцию до трех шагов. Теперь я видел его глаза под капюшоном. Они не были злыми. В них была бесконечная, вековая усталость и тихая мольба о покое. — Ты думаешь, мне нравится бежать за тобой по этим помойкам? Ты думаешь, я получаю удовольствие от этого ритма? Мы оба устали, Макс. Мы оба хотим финиша. Но финиш возможен только при полном столкновении. Либо ты примешь меня, либо я поглощу тебя окончательно, превратив в еще одну тень, бродящую по этому городу в поисках утраченного смысла. Выбирай. Но помни: дождь скоро закончится, а вместе с ним закончится и время для раздумий. Я стоял, вцепившись пальцами в неровную кладку стены, и чувствовал, как реальность начинает плавиться. Свет фонаря стал невыносимо ярким, капли дождя превратились в искры, а тишина наполнилась гулом тысяч голосов, которые когда-то принадлежали мне. Это был момент тотального резонанса. Всё моё прошлое, все мои страхи и амбиции сошлись в этой точке пространства, под этой грязной аркой. И теперь мне нужно было

сделать последний шаг — не назад, не в сторону, а навстречу этой фигуре, которая знала обо мне больше, чем я сам осмеливался признать. Расстояние между нами сократилось до того предела, когда воздух начинает вибрировать от чужого дыхания. Я видел, как капли дождя разбиваются о его плечи точно так же, как о мои. Это не было галлюцинацией или игрой теней. Это была пугающая, математически выверенная синхронность. Когда я непроизвольно сглотнул вставший в горле ком, его кадык дернулся в тот же миг.

— Ты хочешь ударить, — не вопрос, а констатация. Его голос вибрировал прямо у меня в черепе, минуя барабанные перепонки. — Ты думаешь, что если устранишь свидетеля, то преступление исчезнет. Старая привычка «решать вопросы» силой. Но посмотри внимательно на мои руки, Макс.

Он медленно поднял правую кисть. На указательном пальце багровел свежий порез — ровно такой же, какой я получил десять минут назад, когда перемахивал через ржавый забор в промзоне. Кровь была такой же густой и темной. В этот момент меня прошиб не просто страх, а ледяное осознание полной беспомощности. Мы были связаны невидимой нервной системой. Один организм, разорванный надвое пространством этой грязной арки. Я сорвался. Инстинкт самосохранения, накопленный годами подпольной жизни, выплеснулся наружу коротким, яростным движением. Я резко выкинул руку вперед, вкладывая всю ненависть и усталость в один хлесткий удар в область его челюсти. Пальцы врезались во что-то твердое, но вместо хруста чужой кости я услышал только свист ветра. В ту же секунду мою собственную челюсть прошила острая, ослепляющая вспышка боли. Голова откинулась назад, ударившись о кирпичную стену. В глазах потемнело, во рту разлился знакомый металлический вкус крови. Я сполз по стене, хватаясь за лицо, и завыл — не от физического страдания, а от ужаса. Он не шевельнулся. Он даже не поднял рук для защиты. Он просто стоял и смотрел, как я корчусь от удара, который нанес ему.

— Видишь? — он склонил голову набок, и этот жест был до боли знаком мне по отражениям в витринах ночных магазинов. — Каждое твоё действие против меня — это акт самоуничтожения. Ты не можешь убить свое прошлое, не убив свое настоящее. Мы — замкнутый цикл. Резонанс. Ты потратил годы, пытаешься отсечь от себя «лишнее», но это «лишнее» — и есть твоя суть. Ты не можешь отрезать себе ногу и надеяться, что пробежишь марафон. Я сидел на корточках в луже, тяжело дыша. Вода заливала глаза, смешиваясь со слезами ярости.

— Что тебе нужно? — прохрипел я, сплевывая кровь на асфальт. — Если ты — это я, то ты знаешь, что я не сдамся. Я буду бежать, пока не споткнусь.

— Ты уже споткнулся, Макс. Просто ты еще не заметил, как остановилось твое сердце на той самой минуте, когда ты выбрал ложь вместо правды. Сейчас ты — лишь эхо, которое носится по подворотням. Я пришел не убивать тебя. Я пришел предложить тебе стать целым. Остановись и обернись не к врагу, а к источнику. Посмотри на то, что ты оставил там, в начале пути. Он протянул руку. Его ладонь была открыта, и на ней лежал маленький, изъеденный временем предмет. Я узнал его мгновенно. Это была старая пуговица от пальто моей матери — та самая, которую я хранил как талисман и которую, как мне казалось, я потерял давным-давно в одном из залов ожидания. Она была теплой. Я видел, как от неё исходит едва заметный пар в холодном воздухе арки.

— Возьми, — сказал он. — Это твоя единственная связь с реальностью. Если ты её приymeшь, погоня закончится. Если откажешься — я буду преследовать тебя вечно, и каждый твой шаг будет стоять тебе куска плоти. Я смотрел на эту пуговицу, и мир вокруг начал сжиматься до размеров этой крохотной детали. Все мои схемы, все мои побеги, все мои "великие" дела превратились в ничто перед этим куском пластика. Это был крючок, заглоченный до самого сердца. Теперь у меня не было выбора. Нужно было либо принять себя со всей этой болью и грязью, либо окончательно раствориться в этом дожде, став просто еще одной городской легендой о беглеце, который так и не смог обернуться. Пуговица на его ладони казалась тяже-

лее, чем все слитки моего прошлого, которые я когда-то держал. Она не просто лежала там — она пульсировала в такт моему рваному дыханию, вытягивая из пространства остатки тепла. Я протянул руку, и мои пальцы дрожали так, словно я пытался дотронуться до оголенного провода под напряжением. В ту же секунду, когда подушечки моих пальцев коснулись холодного пластика, мир за пределами арки перестал существовать. Гул машин, шум дождя, свет фонарей — всё схлопнулось в одну ослепительную точку боли. Это не был удар, это было узнавание. Сотни лиц, которые я предал, тысячи слов, которые я солгал, и то самое место в арке, ставшая моим алтарем и моим эшафотом, — всё это пронеслось перед глазами со скоростью пули.

— Ты чувствуешь это? — его голос теперь звучал повсюду: в стенах, в каплях воды, в моем собственном пульсе. — Это не вина. Это вес реальности. Ты так долго жил в выдуманном триллере, что забыл, как пахнет настоящая жизнь. Она пахнет не порохом и адреналином, Макс. Она пахнет старым пальто и честностью, которую ты выбросил за ненадобностью. Я сжал пуговицу в кулаке. Края пластика впились в кожу, и я почувствовал, как по моей ладони потекла тонкая струйка крови. Но на этот раз я не почувствовал зеркальной боли. Наоборот — его рука начала медленно растворяться, превращаясь в серый туман, смешивающийся с дождевой пылью. Он не исчезал, он впитывался в меня.

— Что происходит? — закричал я, пытаюсь оттолкнуть его, но мои руки прошли сквозь его грудь, как сквозь густой дым. — Останови это! Я не хочу этой правды!

— Поздно, — прошептал он, и его лицо на мгновение проявилось из-под капюшона. Это было моё лицо, но без единой морщины страха, без той маски цинизма, которую я носил как броню. Это был я — настоящий, до того, как покаяние стало моей единственной целью. — Приняв эту деталь, ты принял и всю ответственность. Теперь ты не можешь просто бежать. Теперь тебе придется нести этот груз до самого конца. И поверь, преследователи никуда не делись. Просто теперь они знают, что ты больше не прячешься. Стена за моей спиной вдруг начала вибрировать. Я обернулся и увидел, как кирпичная кладка покрывается глубокими трещинами, из которых пробивается неестественно яркий, мертвенно-белый свет. Это был не выход. Это был взлом реальности. Из тени, в которой только что стоял мой двойник, начали проступать другие фигуры. Они были лишены лиц, их движения были механическими, а в руках они сжимали длинные, похожие на хирургические инструменты, стальные стержни.

— Кто это?! — я прижался к рассыпающейся стене, чувствуя, как пуговица в кулаке начинает жечь кожу.

— Это те, кто следит за порядком в твоём персональном аду, — его голос затихал, становясь частью общего гула. — Они не любят, когда жертва перестает бежать. Они — тени системы, которую ты сам кормил годами. Теперь, когда ты остановился, ты стал для них неисправной деталью. И они пришли, чтобы тебя утилизировать. Я понял: крючок сработал. Я больше не был беглецом в обычном городе. Я стал аномалией внутри собственного кошмара. Тени в плащах начали окружать меня, их шаги по мокрому асфальту звучали как удары молота по наковальне. У меня не было оружия, не было плана, и мой единственный союзник только что растворился в моих собственных венах.

— Остановись и обернись... — пронеслось в голове последним предупреждением. Но оборачиваться теперь нужно было не к прошлому, а к тем, кто пришел за моим настоящим. Я выпрямился, чувствуя, как кровь из порезанной ладони капает на пуговицу, и та начинает светиться слабым, тревожным светом. Если я — это сумма всех моих отказов, то сейчас настало время для первого настоящего действия. Даже если оно станет последним. Свет, пробивающийся сквозь трещины в кирпичной кладке, не грел. Он был хирургически холодным, выедающим цвета и оставляющим только резкие, угольные тени. Фигуры, вышедшие из этой белизны, двигались с пугающей синхронностью, словно подчинялись единому программному коду. В их руках стальные стержни поблескивали тускло, поглощая скудный свет фонарей. Это не были люди. Это были санитары системы, которую я сам выстраивал годами — безликие, исполни-

тельные, лишённые сомнений. Я почувствовал, как пуговица в кулаке раскалилась до предела. Боль от ожога была острой, но она же давала ясность. В этом месте, где реальность расслаивалась на лоскуты, боль оставалась единственным настоящим ориентиром.

— Назад! — мой крик захлебнулся в гуле, который теперь исходил от стен.

Первая фигура качнулась вперед. Движение было мгновенным, смазанным, как дефект на старой киноплёнке. Стальной стержень со свистом рассек воздух в сантиметре от моего виска, выбив крошку из кирпича. Я инстинктивно выбросил вперед кулак, в котором была зажата пуговица. В момент удара произошло то, чего я не ожидал. Воздух между мной и нападавшим взорвался каскадом искр, но не огненных, а серых, похожих на пепел. Фигуру отбросило, её очертания на мгновение стали прозрачными, обнажая пустоту внутри. Пуговица работала как предохранитель, который выбило от перегрузки. Но вместе с этим я почувствовал, как из меня уходят силы. Каждое столкновение с ними стоило мне куска собственной памяти, собственной жизненной энергии.

— Ты не сможешь их победить, Макс, — голос двойника, теперь звучащий прямо внутри моей головы, стал тише, почти неразличимым за гулом. — Они — это твой порядок. Твоя стабильность. Твоё нежелание меняться. Ты сам вызвал их, когда решил, что бегство — это единственный способ жить. Они пришли завершить твой проект «идеального отсутствия».

Я тяжело дышал, прижимаясь к вибрирующей стене. Трещины становились шире, и я видел, что за ними нет улицы, нет города — только бесконечный поток цифр и серых теней, движущихся в пустоте. Это был изнаночный мир моих схем, моих махинаций, моей жизни, превращенной в алгоритм выживания. Три фигуры начали сходить, отсекая мне путь к выходу из арки. Дождь превратился в колючую изморозь, которая замерзала прямо в воздухе. Я понял: если я останусь здесь, я просто стану частью этого кирпичного мешка, еще одной застывшей тенью в фундаменте собственного ада.

— Остановись и обернись... — эхом пронеслось в сознании.

Но на этот раз я понял фразу иначе. Обернуться — не значит смотреть назад. Обернуться — значит сменить полярность. Перестать быть жертвой, за которой гонятся, и стать силой, которая ломает рамки. Я разжал кулак. Пуговица светилась мягким, пульсирующим светом, впитывая мою кровь. Я не стал бить снова. Я просто прижал её к самой большой трещине в стене. Раздался звук, похожий на стон разрываемого металла. Белый свет хлынул в арку, ослепляя, смывая безликих чистильщиков, смывая саму подворотню. Я почувствовал, как земля уходит из-под ног, и я проваливаюсь не вниз, а в сторону — сквозь слои времени, сквозь запахи старого пальто и мокрой травы, туда, где когда-то всё началось.

Это было не бегство. Это был прыжок в эпицентр собственного взрыва.

Шаг второй.

Архитектура системы

Асфальт под моими ногами вибрировал. Черный силуэт автомобиля рос, заполняя собой горизонт, превращаясь из блестящей игрушки в многотонный снаряд. Я видел в лобовом стекле свое лицо — молодое, хищное, с глазами, в которых еще не было ни капли сомнения. Тот, другой я, крепко сжимал руль, глядя не на дорогу, а сквозь неё, в сторону своего будущего успеха. Он не видел меня. Он не видел подростка на обочине. Для него весь этот мир был лишь декорацией, которую нужно проскочить на максимальной скорости. Я не сдвинулся с места. Пуговица в кулаке начала вибрировать с такой силой, что кости предплечья заныли. Это был не просто кусок пластика — это был якорь, удерживающий меня в этой точке разлома.

— Уходи с дороги! — крикнул подросток сзади. Его голос доносился словно из-под толщи воды. — Ты ничего не изменишь! Ты уже там, внутри этой машины! Ты уже нажал на газ!

Я не оборачивался. Я знал, что если я сейчас сделаю шаг в сторону, этот автомобиль пронесется мимо, увозя мою душу в тот самый город, где через много лет я окажусь в гряз-

ной арке под прицелом безликих теней. Цикл замкнется. Единственный способ обернуться по-настоящему — это стать препятствием для самого себя. Машина была уже в десяти метрах. Рев двигателя заглушил всё: стрекот кузнечиков, шелест пшеницы, собственное сердцебиение. Я видел, как расширились зрачки молодого водителя за стеклом. В последний момент он меня заметил. Его руки дернули руль, пытаясь избежать столкновения, но было поздно. Удар был не физическим. Это был мощнейший электромагнитный импульс, прошедший сквозь каждую клетку моего тела. Металл машины не смялся, он начал рассыпаться на мириады черных букв и цифр, превращаясь в типографскую сажу. Лобовое стекло разлетелось не осколками, а брызгами чернил. Я почувствовал, как меня подхватил этот черный вихрь. Я падал внутрь собственного отражения. Лицо молодого Макса исказилось, оно начало плавиться, сползать, обнажая под собой пустоту, заполненную белым светом арки. Мы столкнулись не как два тела, а как две идеи.

Вспышка. Грохот. И тишина.

Я снова лежал на мокром асфальте. Дождь бил по лицу, смывая кровь и пыль летней дороги. Я был в той же самой арке, в том же самом тупике. Но что-то изменилось. Трещины в стенах затянулись. Безликие тени в плащах стояли неподвижно, их стальные стержни опустились. Они больше не атаковали. Они ждали. Я поднял руку и разжал кулак. Пуговицы больше не было. Вместо неё на ладони остался глубокий, ровный шрам в форме круга — вечное напоминание о том, что я сделал.

— Ну вот и всё, — голос двойника прозвучал у самого уха. — Ты остановился. Ты обернулся. Ты даже попытался себя убить. Но ты выжил. Знаешь почему?

Я тяжело поднялся, опираясь на скользкий кирпич.

— Потому что нельзя уничтожить то, что уже стало частью тебя? — прохрипел я.

— Потому что теперь ты — и водитель, и препятствие одновременно. Ты сломал алгоритм бегства. Теперь тени не могут тебя утилизировать, потому что ты перестал быть деталью. Ты стал сбоем. А со сбоями система поступает иначе. Она начинает с ними договариваться. Я посмотрел на выход из арки. Там, за завесой дождя, город выглядел иначе. Огни фонарей больше не казались хищными глазами. Они были просто огнями. Погоня закончилась. Но началась новая игра, правила которой мне еще только предстояло написать на обломках своей старой жизни. Город за пределами арки больше не пытался меня сожрать, но он определенно стал другим. Звуки машин теперь доносились не как угроза, а как далекий гул работающего сервера. Я сделал первый шаг по мокрому тротуару, и на этот раз эхо моих шагов не возвращалось ко мне чужим присутствием. Оно принадлежало только мне. Шрам на ладони пульсировал, напоминая о «цене входа» в эту новую реальность. Я засунул руку в карман куртки и наткнулся на ту самую бумажку с адресом, которая раньше казалась бессмысленным клочком. Теперь буквы на ней светились тем же мягким, едва уловимым светом, что и трещины в стене мгновение назад.

— Макс? — голос раздался не из головы, а из динамика висящего на столбе таксофона, мимо которого я проходил.

Я замер. Трубка мерно раскачивалась на металлическом шнуре, хотя ветра не было.

— Система не любит долгих пауз, — продолжал голос, и в нем уже не было моих интонаций. Это был сухой, синтезированный звук, лишенный даже намека на человечность. — Ты сломал алгоритм выживания. Поздравляю. Но теперь тебе придется освоить алгоритм созидания. Иначе пустота, которую ты увидел за кирпичами, вернется. Только на этот раз она будет голодной. Я подошел к таксофону и приложил шрам к холодному металлу аппарата.

— Что мне нужно делать? — мой голос окреп, в нем больше не было хрипа загнанного зверя.

— Иди по адресу. Там тебя ждет тот, кто научит тебя быть «сбоем», который нельзя исправить. Но помни: каждый твой выбор теперь записывается не в базу данных, а в твою соб-

ственную кровь. Я повесил трубку. Дождь окончательно стих. Впереди, в неоне ночных витрин, я увидел свое отражение. На лице больше не было маски цинизма. Это было лицо человека, который впервые за десять лет перестал бежать и наконец-то начал идти. Город больше не был декорацией. Теперь он напоминал живой организм, перенесший тяжелую операцию без наркоза. Я шел к адресу на обрывке бумаги, чувствуя, как шрам на ладони — мой новый талисман и проклятие — ведет меня сквозь лабиринт переулков. На перекрестке я снова увидел их. Три фигуры в серых плащах стояли у входа в метро. Теперь, когда я перестал быть «деталью» и стал «сбоем», они не нападали. Они просто фиксировали мое перемещение, их пустые безликие маски поворачивались вслед за мной с пугающей синхронностью.

«Они не любят, когда жертва перестает бежать», — эхом отозвались в голове слова двойника.

Теперь я понимал: эти существа — не просто галлюцинация. Это антитела реальности, призванные уничтожить любого, кто посмеет осознать, что весь этот мир — лишь нагромождение лжи и старых схем выживания. Я прошел мимо них, кожей чувствуя холод стальных стержней в их руках.

Адрес: Улица Разбитых Зеркал

Дом №12 по тупиковому переулку выглядел заброшенным. Но как только я приложил ладонь со шрамом к ржавой входной двери, металл под пальцами стал податливым, как теплый воск. Внутри пахло не пылью, а... старым маминым пальто и мокрой травой. Тем самым запахом из начала пути, который я так старательно пытался забыть за десять лет бегства. В конце длинного коридора, освещенного мертвенно-белым светом, сидел человек. Он чинил старый патефон, но вместо иглы в его руках был такой же стальной стержень, как у Чистильщиков.

— Ты опоздал на целую жизнь, Макс, — произнес он, не оборачиваясь. — Или пришел слишком рано для финала. Я посмотрел на его руки. На указательном пальце багровел тот же порез, что и у меня.

— Кто ты? Еще одно зеркало?

— Я — это твоё «не сейчас». Я — та часть тебя, которая осталась стоять на обочине, когда твоя машина влетела в будущее, разбрасывая чернильные брызги вместо крови. Он медленно повернулся. Его лицо постоянно менялось: в одну секунду это был хищный молодой водитель из моего прошлого, в другую — изможденный беглец из арки.

— Система предлагает сделку, — он протянул мне ту самую пуговицу, но теперь она была прозрачной, как лед. — Ты можешь вернуться в алгоритм и забыть всё. Или ты можешь стать их новым «архитектором». Но учти: чтобы строить этот мир заново, тебе придется вырезать из себя остатки человеческой боли. По кускам. Без остатка. Я сжал кулак. Шрам горел. Выбор между комфортным рабством и болезненной истиной никогда не был таким острым. Человек у патефона резко вскинул голову, и его лицо на мгновение застыло в маске чистого, дистиллированного ужаса.

— Ты слишком долго думал, Макс, — прошепел он, и звук его голоса смешался со скрежетом иглы по винилу. — Они начали зачистку сектора. Ты для них больше не просто «неисправная деталь». Ты — вирус, который начал заражать архитектуру. Стены комнаты вздрогнули. Белый, мертвенно-холодный свет, пробивающийся сквозь щели, стал невыносимо ярким, превращаясь в лезвия, которые начали кромсать пространство. Дверь в конце коридора разлетелась в пыль, но не от удара, а от системной команды «удалить». В проеме возникли три фигуры. Их движения больше не были медленными — они двигались рывками, как дефектные кадры на старой пленке. Стальные стержни в их руках гудели, поглощая остатки цвета из воздуха. Первый Санитар сократил дистанцию мгновенно. Стержень со свистом рассек воздух там, где секунду назад была моя голова, выбив из кирпичной кладки каскад серых искр, похожих на пепел.

— Назад! — мой крик захлебнулся в низкочастотном гуле, исходящем от самих стен. Я почувствовал, как шрам на ладони, оставшийся на месте пуговицы, начал пульсировать в такт их шагам. Это была физическая боль, дающая пугающую ясность: в этом месте боль — единственный настоящий ориентир. Я инстинктивно выбросил руку вперед. В момент столкновения моей ладони с грудью ближайшей тени пространство между нами взорвалось. Фигуру отбросило, её очертания стали прозрачными, обнажая абсолютную пустоту внутри. Но цена была высока: я почувствовал, как вместе с этим ударом из меня уходит кусок памяти — запах маминого пальто стал тусклым, едва различимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.